

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА ПЕКШИЕВА
старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской
филологии филологического факультета, Петрозаводский
государственный университет (Петрозаводск, Российская
Федерация)
marpek@sampo.ru

МУЗЫКА В ЖИЗНИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО И ЕЕ МЕСТО В ПОВЕСТИ «САЛАМАНДРА»

В период романтизма одной из отличительных черт была «музыкальность» прозы, прежде всего наличие в ней стихотворений или песен, это характерно и для повести В. Ф. Одоевского «Саламандра» (1844). Песни в произведении поются под кантеле, взятого писателем из эпоса «Калевала». Эльса, главная героиня, представительница финской нации, приближена к идеальному типу, постигающему истину. Она дитя природы, дикарка, которая наделена творческим началом – играет и поет. Героиня, ее песни и инструмент так гармоничны, что их трудно отделить друг от друга. На кантеле у Одоевского играет также старик Руси и ветер, все это создает настроение произведения. Обращаясь к финской культуре, писатель расширяет и углубляет мнение о том, что поэтическое начало полнее и глубже всего проявляется именно в музыке. Музыка больше, чем другие виды искусства, способна передать внутренний мир человека.

Ключевые слова: романтизм, Одоевский, «Саламандра», музыка, кантеле, финны, «Калевала»

Представитель русского романтизма князь В. Ф. Одоевский на протяжении всей жизни увлекался музыкой, ее он считал «высшей сферой человеческого искусства» [15; 121]. Н. Котляревский описывает жизнь Одоевского в музыкальном ключе: «Всякая житейская мелодия слышалась ему всегда сыгранной октавой выше» [9; 137]. Одоевский, созерцающий жизнь и раздумывая над ней, предпочитал обходить стороной обыденное, которое существует в нашей жизни и от которого надо уметь «отрешиться и спешить уловить то, что за ним кроется» [9; 137]. Музыку Одоевский любил с детства. Он был «прекрасным исполнителем, композитором, музыковедом», – отмечает О. Д. Голубева. Он сочинял мелодии к произведениям И. А. Крылова, А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова. Он писал вальсы и колыбельные. Музыка для Одоевского – это «язык невыразимых словами чувств» [2; 41]. Многие зарубежные дирижеры и композиторы, посещавшие в то время Петербург, встречались с писателем. Среди них Р. и К. Шуманы, Ф. Лист, Г. Берлиоз и Р. Вагнер. Благодаря музыке Одоевский становится другом М. И. Глинки. Он поддерживает и защищает его творчество, а также других русских музыкантов – А. С. Даргомыжского, А. Г. Рубинштейна, М. А. Балакирева. Он внимательно изучает музыкальные произведения, пишет отзывы [2; 42–47]. А. П. Пятковский констатировал, что Одоевский ушел из жизни, рассуждая в бреду о музыке [16].

Музыка – это искусство, которое, по мнению А. Ф. Лосева, не называя сами предметы, повествует «именно об их возникновении, их расцвете и их гибели», это «сама процессуальность жизни», что в других искусствах представлено лишь «неподвижными формами» [10; 325]. Самое главное в музыке – изображение не «устой-

чивой образности», а самой «стихии становления жизни» [10; 325]. Е. А. Маймин указывает на свойственные Одоевскому убеждения, что поэтическое начало проявляется именно в музыке полнее и глубже всего. Человеку присуще стремление выразить себя, и музыка больше, чем другие виды искусств – литература, живопись, скульптура, способна передать «самое глубокое в человеке» [11; 273]. Исследуя философский роман Одоевского «Русские ночи», Е. А. Маймин пишет, что в самых значимых местах повествования писатель «стремится придать слову возможно более музыкальный характер и форму». Новеллы «Последний квартет Бетховена» и «Себастьян Бах» посвящены великим музыкантам. Именно «в них заключена идейная кульминация романа». Бетховен и Бах «являются героями, в наибольшей степени отвечающими идеалу В. Одоевского» [11; 273].

Цель нашей работы – изучить «музыкальное» в повести В. Ф. Одоевского «Саламандра», которую финский поэт и фольклорист К. А. Готлунд считал «наиболее значительной из всех переведенных в его газетах произведений русских авторов» [7; 292]. Я. К. Грот писал о финнах, что песня – это «главный и почти единственный памятник» их «древней самобытной образованности» [3; 109]. Главная героиня «Саламандры» Эльса, представляющая финскую нацию, очень музыкальна, и ее можно приблизить к идеальному типу, так как она, по мнению М. Турьян, способна «проникать духовным взором в тайны мироздания» [17; 319]. Пение Эльсы и упоминание о финском народном инструменте являются одним из главных элементов характеристики героини. Финка, ее песни и инструмент так гармоничны, что их трудно отделить

друг от друга. Все вкупе и составляет финский характер, передает колорит северного народа. Н. А. Янчук пишет, что Одоевский считал важным заниматься «записыванием древних напевов с голосов народа», которые должны сохраниться «в глухих, захолустных местах в слухе народном в их исконном, самобытном виде» [19; 12]. А. Ф. Кони также отмечал, что для Одоевского музыка – это не только удовольствие или отрасль серьезных знаний, это также «средство для сохранения ярких признаков народности», когда человек становится способен перейти от «ощущений повседневной житейской прозы, вызываемых видимым и осязательным, в область невидимого, возвышенного и вечного» [8; 94].

Истории героинь Одоевского – Эльсы в «Саламандре» и Магдалины в «Себастьяне Бахе» – связаны с музыкой. У жены Баха Магдалины через сорок лет «пробудилась при родных звуках» [15; 128] ее итальянская кровь, она вспомнила песни своей матери. Эльса, находясь в Петербурге, не может забыть своей родины. Она «скована во всех движениях, не смеет поднять головы, не смеет пошевелиться, едва смеет курнычать свои печальные финские напевы»:

Плачет девушка в долине,
Плачет – только вполовину,
Вполовину веселится,
Пеньем вечер сокращает
До заката, в ожиданье,
Что найдет она супруга,
Что жених ее обнимет [14; 282].

В доме Зверева у Эльсы не было с собой музыкального инструмента, она вспоминала, как Вайнемейнен «из щучьих ребер сделал себе кантелу, как не знал, откуда взять колки и волос на струны, и в забытых напевала»:

Подари мне дар, девица!
С головы один дай локон,
Пять волос мне поднеси ты,
Дай шестой еще вдобавок,
Чтоб у арфы были струны,
Чтобы звуки получило
Вечно юное веселье [14; 282].

Кантеле и сампо – два удивительных предмета, которые присутствуют в «Калевале», сампо одно, кантеле два. По мнению Лённрота, сампо должно было обеспечить материальное благосостояние, кантеле – символ духовного умиротворения. Они как будто являются двумя половинами одного целого [20; 65]. У Одоевского «Сампо ушло в землю и запылило камнем, а на земле осталась только кантеле» [14; 248]. Финские исследователи повествуют, что в звучании кантеле есть уникальная, таинственная мощь, внутренняя сила, которая заставляет скалы рушиться, вселенную дрожать, природу слушать, а слушателей плакать от радости – большего прославления искусства на финском языке не создано [20; 12].

В начале повести при описании места обитания финской семьи мы замечаем на стене «кантеле, народный финский инструмент, похожий на лежащую арфу с волосными струнами, – вот все, чем украшалось бедное жилище рыбака» [14; 246]. Кантеле еще не издает звука, но, видимо, по Одоевскому, не может не украсить избушку. В своих дорожных заметках Элиас Лённрот отмечает, что кантеле можно было найти на стене в каждом доме [21; 97]. Примечательно, что в музыкальном словаре А. Гарраса, который в свое время исправил и дополнил Одоевский, мы встречаемся с подобным определением кантеле: «финский струнный инструмент, род лежащей арфы или гуслей» [6; 68]. У кантеле в истории культуры ни с чем не сравнимая сила. Вайнемейнен и его инструмент стали известны 200 лет назад, после чего воплотились в образы многих письменных и художественных произведений искусства [20; 15]. Именно «Калевала» сделала кантеле на веки вечные национальным инструментом Финляндии. До сих пор кантеле Вайнемейнена – символ финского идентитета [20; 59].

В «Саламандре» первым рождает звук кантеле ветер: «Ветер свистал в волоковое окно, некрепко припертое, иногда пробегал по струнам кантеле, и струны печально, нестройно звучали...» [14; 246]. Благодаря появившемуся звуку писатель погружает нас в атмосферу суровой природы и придает определенный настрой своей повести. В цитате как будто есть музыкальная интонация, сцепляющая звуки с чувствами.

В. М. Жирмунский пишет, что иногда в прозе, «как и в свободном стихе, наличествуют признаки ритмической организации» [4; 103], что кажется уместным рассмотреть и у Одоевского. Читая об игре ветра на кантеле, мы чувствуем определенный ритм или музыку. Обычно для поэта важно не только значение слова, но и звук. Часто звучание «аккомпанирует основному значению, выраженному в словах текста» [5; 90]. «Ветер свистал в волоковое окно, некрепко припертое...»: несколько раз повторяются звуки «в», «э», «о», «к-р», «п-р», «с-т-р». Благодаря им мы слышим ветер, который цепляет, как будто пальцами, струны. В. Е. Холшевников замечает, что в прозе, в отличие от стихотворной речи, все эти явления ощущаются не настолько сильно, они не упорядочены и не организованы. Ритмической прозой практически невозможно написать целое произведение, она появляется лишь «в наиболее эмоциональных частях текста» [18; 5–6] и более распространена в романтической литературе XIX века [4; 108].

Н. Я. Берковский пишет, что романтики создают образ героя через лирику и музыку. «Персонажам романтиков достаточно сыграть музыку, свою или чужую, чтобы дать знать о себе, кто они такие» [1; 55]. После ветра финский инструмент попадает в руки старика Руси. Под звуки кантеле он любил рассказывать финские

истории. «Помнишь, дедушка, об рождестве, ты, подыгрывая на кантеле, распевал нам об нашей земле и о том, как о ней спорят калевы с пахиолами...» [14; 247], – говорит Эльса.

Известно, что романтики полемически относились к литературе, описывающей характеры. Они считали, что характеры «стесняют личность, ставят ей пределы, приводят ее к некоему отвердению» [1; 55]. Для той эпохи важен характер вместе с душой. В душе – возможности человека, в характере – его действительность. Музыка раскрывает характер главной героини произведения Эльсы и ее связь со своим народом. Находясь дома, в своей деревушке, финка выходила на дорогу, «перебирала пальцами по кантеле, пела старинные песни о финском сокровище Сампо и приплясывала» [14; 261]. М. Тургенев отмечает, что чухонке понятен язык древних, потому что у нее максимально сохранились элементы первобытного сознания [17; 320].

По Е. М. Мелетинскому, психика человека использует мифы и обряды «главным образом в плане приспособления индивида к социуму», миф гармонизирует отношения человека с «природным окружением» [12; 170]. А. В. Мешко считает, что миф в свое время «определял мировоззренческую модель мира и место человека в нем», а чтобы поддерживать свои представления о мире, о нормах жизни людей, человеку нужен был ритуал, «реактуализирующий эти представления и парадигмы поведения» [13; 508]. Музыка и музыкальным инструментам отводится в ритуале важная роль. Воспринимая звук, человек познает мир, а его воспроизведение дает возможность в ритуальных действиях «реализовать мифологизированное представление о мироздании» [13; 508]. Можно выделить два назначения музыкального инструмента в мифе: игра нужна для восстановления гармонии в мире и согласия в людях; второе – игра является защитой от враждебных сил [13; 510]. Когда Эльса дома, игра дополняет гармонию, в Петербурге в доме Зверева у нее нет с собой инструмента, она бессознательно защищает себя песней. Необходимо уяснить следующее: существуют понятия «музыкальный» и «анти-музыкальный» мир. Об этом говорит Берковский, когда пишет о творчестве Э. Т. А. Гофмана, в котором Одоевский видел гениального изобретателя чудесного. Гофман под музыкальной стихией подразумевает «слитность и целостность

мировой жизни», «в музыке оглашается тайна, скрытая в недрах космоса» [1; 478]. Музыка – это песня природы: деревьев, зверей, воды, камней, цветов. «Природа сама себя как бы положила на музыку, а вот общественные и политические отношения людей музыке враждебны» [1; 479]. «Цивилизация антимзыкальна» [1; 490], для нее важны стандарты, она не спасение, природа же, как музыка, это вечное самообновление.

Героиня «Саламандры» Эльса – дитя природы, дикарка, которая не воспринимает цивилизованный мир, поэтому ее Одоевский наделяет творческим началом: она поет, играет на музыкальном инструменте, она подобна калевальской плакучей березе, из которой Вьянемейнен потом сделает кантеле, чтобы вновь появилась в мире музыка. Ярко не способен слышать музыку, он «сподвижник Петра I», его сознание «отравлено трихинами буржуазной цивилизации», он лишь жаждет «приумножить свои богатства» [17; 317]. Он не берет в руки кантеле, не поет родных песен.

Сам писатель придавал большое значение музыке в общественной жизни. В своем дневнике он упоминает о разговоре с императрицей, в котором сообщается, что музыка – это «мощное нравственное и умиротворяющее средство», она отвлекает от политических событий [2; 43]. Известно, что особым образом Одоевский относился к вокальной музыке и органу. От А. Ф. Кони мы узнаем, что он изобрел новый инструмент – энгармонический клавесин и сам любил играть на органе [8; 95]. Музыка для Одоевского выше искусства, она неземное создание, она вводит человеческую душу в мир божественный, в ней «человек забывает о бурях земного странствования» [19; 8].

Таким образом, музыка у Одоевского воплощается в повести в песнях и игре на музыкальном инструменте. Она раскрывает характер героев, передает их настроение. Кантеле – уникальный музыкальный инструмент, на котором Одоевский дает поиграть даже ветру. Благодаря такого рода описаниям мы можем говорить о ритмичности, проявляющейся в «Саламандре». Музыка – это также ритуал, который помогает забыть проблемы и восстанавливает гармонию. Она по сути своей ближе к природе, чем к цивилизации. Музыку можно сравнить именно с жизнью, так как она, в отличие от других видов искусства, может быть представлена лишь в процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л.: Худож. лит., 1973. 568 с.
2. Голубева О. Д. В. Ф. Одоевский. СПб., 1995. 192 с.
3. Грот Я. К. О финнах и народной поэзии // Труды Я. К. Грота. Из скандинавского и финского мира. СПб., 1898. С. 100–148.
4. Жирмунский В. М. О ритмической прозе // Русская литература. 1966. № 4. С. 103–114.
5. Журавлев А. П. Звук и смысл: Кн. для внеклассного чтения (VIII–X кл.). М.: Просвещение, 1981. 160 с.
6. Карманный музыкальный словарь. Музыкальная терминология А. Гарраса, исправленная и умноженная В. Ф. Одоевским и др. М.: Музыкальный сектор, 1930. 133 с.

7. Карху Э. Г. Финляндская литература и Россия, 1800–1850. Таллинн, 1962. 343 с.
8. Кони А. Ф. Князь Владимир Фёдорович Одоевский // Собрание сочинений. Т. 6. М.: Юрид. лит., 1968. С. 76–105.
9. Котляревский Н. Старинные портреты. СПб., 1907. 457 с.
10. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
11. Маймин Е. А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. С. 247–273.
12. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 408 с.
13. Мешко А. В. Музыкальные инструменты в мифологии. Особенности формирования образа кантеле в карело-финском эпосе // «Калеваля» в контексте региональной и мировой культуры. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 508–517.
14. Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. М., 1988. 382 с.
15. Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 327 с.
16. Пятковский А. П. Князь В. Ф. Одоевский // Из истории нашего литературного и общественного развития. СПб., 1889. С. 302–303.
17. Турьян М. Странная моя судьба. М.: Книга, 1991. 398 с.
18. Холщевников В. Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение. Л.: ЛГУ, 1972. 75 с.
19. Янчук Н. А. Князь В. Ф. Одоевский и его значение в истории русской церковной и народной музыки. М., 1906. 19 с.
20. Jalkanen P., Laitinen H., Tenhunen A. L. Kantele. SKS, Helsinki, 2010. 512 s.
21. Turunen A. Kalevalan sanat ja niiden taustat. Lappeenranta: Karjalan kirjapaino OY, 1979. 416 s.

Pekshieva M. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MUSIC IN V. F. ODOEVSKY'S LIFE AND ITS PLACE IN TALE "SALAMANDRA"

This article considers "musicality" of the story "Salamandra" (1844), its Finnish tunes, and singing to the kantele. It was an established tradition to write prose inserting poems or songs into it in the period of romanticism. V. F. Odoevsky also employed this writing technique. In his works, songs are sung to a kantele, which is a wonderful instrument taken by the writer from the epos "Kalevala". Odoevsky creates an image of the main character through lyrics and music. Elsa, a representative of the Finnish nation, is presented as an ideal type of a person comprehending the truth. She is a child of nature, the savage who doesn't perceive the civilized world. She is a creative person, she plays and sings. The Finnish woman with her songs and a musical instrument is very harmonious. It is difficult to separate them from each other. These components all together make up a Finnish character, give color to the northern people. The old man Rusi and the wind also play the kantele in Odoevsky's novel instilling by this a rather special mood to the work. Writing about Finnish culture and poetry, the writer expands and deepens his conviction that a poetic beginning of the work is better revealed through music. Music is more capable than other types of art, it can tell about the inner world of a man.

Key words: Romanticism, Odoevsky, "Salamandra", music, kantele, the Finns, "Kalevala"

REFERENCES

1. Berkovskiy N. Ya. *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Leningrad, Khudozh. lit. Publ., 1973. 568 p.
2. Golubeva O. D. *V. F. Odoevskiy* [V. F. Odoevskiy]. St. Petersburg, 1995. 192 p.
3. Grot Ya. K. About Finns and National Poetry [O finnakh i narodnoy poezii]. *Trudy Ya. K. Grota. Iz skandinavskogo i finskogo mira*. St. Petersburg, 1898. P. 100–148.
4. Zhirmunskiy V. M. About Rhythmic Prose [O ritmicheskoy proze]. *Russkaya literatura*. 1966. № 4. P. 103–114.
5. Zhuravlev A. P. *Zvuk i smysl: Kn. dlya vneklassnogo chteniya (VIII–X kl.)* [Sound and meaning: the book for home reading (VIII–X gr.)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1981. 160 p.
6. *Karmannyi muzykal'nyy slovar'. Muzykal'naya terminologiya A. Garrasa, ispravlenneya i umnozhennaya V. F. Odoevskim i dr.* [Pocket Musical Dictionary. The Musical Terminology of A. Garras. Corrected and Increased by V. F. Odoevsky]. Moscow, Muzykal'nyy sector Publ., 1930. 133 p.
7. Karkhu E. G. *Finlyandskaya literatura i Rossiya, 1800–1850* [The Finnish Literature and Russia]. Tallinn, 1962. 343 p.
8. Koni A. F. Prince Vladimir Fyodorovich Odoevsky [Knyaz' Vladimir Fedorovich Odoevskiy]. *Sobranie sochineniy* [Works]. Vol. 6. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1968. P. 76–105.
9. Kotlyarevskiy N. *Starinnye portrety* [Ancient Portraits]. St. Petersburg, 1907. 457 p.
10. Losev A. F. *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 525 p.
11. Maymin E. A. Vladimir Odoevsky and His Novel "Russian Nights" [Vladimir Odoevskiy i ego roman "Russkie nochi"]. *Odoevskiy V. F. Russkie nochi* [Odoevsky V. F. Russian Nights]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. P. 247–273.
12. Meletinskiy E. M. *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 408 p.
13. Meshko A. V. Musical Instruments in Mythology. Features of Kantele Image Formation in Karelian-Finnish Epos [Muzykal'nye instrumenty v mifologii. Osobennosti formirovaniya obraza kantele v karelo-finskom epose]. *"Kalevala" v kontekste regional'noy i mirovoy kul'tury* ["Kalevala" in the context of regional and worldwide culture]. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN, 2010. P. 508–517.
14. Odoevskiy V. F. *Povesti i rasskazy* [Stories]. Moscow, 1988. 382 p.
15. Odoevskiy V. F. *Russkie nochi* [Russian Nights]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 327 p.
16. Pyatkovskiy A. P. Prince V. F. Odoevsky [Knyaz' V. F. Odoevskiy]. *Iz istorii nashego literaturnogo i obshchestvennogo razvitiya* [From the history of our literary and social development]. St. Petersburg, 1889. P. 302–303.
17. Tur'yan M. *Strannaya moy sud'ba* [My Strange Destiny]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 398 p.
18. Kholshchevnikov V. E. *Osnovy stikhovedeniya. Russkoe stikhoslozhenie* [Fundamentals of Prosody. Russian Versification]. Leningrad, LGU Publ., 1972. 75 p.
19. Yanchuk N. A. *Knyaz' V. F. Odoevskiy i ego znachenie v istorii russkoy tserkovnoy i narodnoy muzyki* [Prince V. F. Odoevsky and His Value in the History of the Russian Church and Folk Music]. Moscow, 1906. 19 p.
20. Jalkanen P., Laitinen H., Tenhunen A. L. Kantele. SKS, Helsinki, 2010. 512 s.
21. Turunen A. Kalevalan sanat ja niiden taustat. Lappeenranta: Karjalan kirjapaino OY, 1979. 416 s.

Поступила в редакцию 26.09.2013